

Глава IV

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

Семантические отношения, или отношения между означающим и означаемым, являются одним из наиболее существенных аспектов теории перевода. И это не случайно, ибо референтная (денотативная) функция, связанная с отражением в тексте внеязыковой действительности, является одной из важнейших функций текста, основной операциональной единицы теории перевода.

Рассмотрение семантических аспектов перевода целесообразно начать с уточнения некоторых базисных понятий, входящих в концептуальный аппарат семантического анализа, и прежде всего таких существенных для теоретического описания перевода понятий, как "значение" и "смысл".

Уточнению соотношения этих понятий в связи с разграничением предметных областей теории перевода и контрастивной лингвистики посвящена в значительной мере работа Э. Косериу "Контрастивная лингвистика и перевод: их отношение друг к другу" [Coseriu, 1981, 183—199]. В используемой им системе понятий "значение" (Bedeutung) понимается как содержание, данное в отдельном языке (Einzelsprache) как таковом и выявляемое через систему оппозиций этого языка как в области грамматики, так и в области лексики. Этому понятию противопоставляется "обозначение" (Bezeichnung) — внеязыковая референция, отсылка к определенной внеязыковой действительности (к "предметам", обстоятельствам или к самой внеязыковой действительности) как в области грамматики, так и в области лексики.

Например, конструкция "mit x" в немецком языке имеет лишь одно общее значение — "сопутствование" (Konkomitanz или Kopräsenz), которое может быть описано как "und x ist dabei" (и при этом имеется x). Поэтому выражению mit dem Messer как таковому присуще не "инструментальное значение" (mit dem Messer als Instrument), а расширенное, "и при этом имеется нож, имеющий какое-то отношение к описываемому". Это значение обусловлено спецификой немецкого языка и присутствует во всех употреблениях данного выражения. "Инструментальность" может при определенных обстоятельствах характеризовать соответствующее обозначение (Bezeichnung), например: mit dem Messer schneiden. Однако это обусловлено не системой оппозиций немецкого языка как таковой, а контекстом или ситуацией, тогда как общее языковое значение "mit x" включает и такие случаи употребления данного выражения, где никак не прослеживается "инструментальное значение" (ср.: mit Zucker, mit Maria или даже mit dem Messer во фразе der Mann mit dem Messer).

Значения используются в речевых актах в целях обозначения, и с этой точки зрения значение — это ограниченная рамками данного конкретного языка возможность определенных обозначений, но не само обозначение. Таким образом, "mit x" охватывает в немецком языке весьма широкую шкалу возможностей: "и при этом имеется x (в ка-

честве инструмента, материала, сопровождения, партнера и т.д.)". То или иное обозначение остается лишь в потенции и актуализируется лишь благодаря контексту или ситуации.

В другом языке разграничение значений может быть иным. Так, например, "в качестве инструмента" может быть обособлено от остальных составляющих. У такого языка будет в данном случае особое "инструментальное значение", а не только потенциально возможное обозначение. Таким образом, слова и грамматические формы разных языков могут обозначать одно и то же и вместе с тем различаться по своим значениям благодаря разному разграничению возможностей обозначения. Так, рус. *лестница* и англ. *staircase*, с одной стороны, и рус. *лестница* и англ. *ladder* — с другой, могут совпадать в сфере обозначения, но в сфере значения они существенно различаются: *лестница* может обозначать и внутреннюю лестницу в здании, и переносную стремянку, тогда как для *staircase* и *ladder* 'внутренняя лестница' и 'стремянка' — не *Bezeichnungen*, а *Bedeutungen*. Русское наст, время может обозначать как обычное действие, включающее момент речи, так и действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в момент речи: *Я живу в Москве; Я живу здесь три года*. В английском языке в аналогичных контекстах используются разные формы, имеющие различное значение: *I live in Moscow; I have lived here three years*.

Для иллюстрации понятия "смысл текста" Э. Косериу приводит отрывок из рассказа румынского писателя М. Садовяну из жизни старой молдавской деревни. В отрывке речь идет о мире мифов и легенд, где прошедшие годы называются по необычным событиям, где все из ряда вон выходящее рассматривается как примета будущих событий, где у земли есть край и где войны и обильные урожаи предопределены знаками созвездий. Для понимания текста необходимы предварительные знания. И поэтому приведенный Э. Косериу отрывок выполняет функцию введения в этот необычный мир. Он создает культурный фон для того, о чем далее рассказывается в тексте. Данная функция осуществляется как внеязыковыми средствами (с опорой на знание культурного фона), так и языковыми. Подобную функцию и вообще подобное содержание, которое проявляется лишь в текстах, т.е. в речевых актах или, точнее, во взаимосвязанных сериях речевых актов, Э. Косериу называет смыслом. Для иллюстрации соотношения понятий "смысл", "значение" и "обозначение" Э. Косериу приводит известные строки из "Фауста" Гете.

Grau, teurer Freund, ist alle Theone,
Doch grün des Lebens goldner Baum.

Иногда утверждают, что, строго говоря, это высказывание нелогично, противоречиво и даже абсурдно, потому что теория не может быть серой и потому что нет никакого дерева жизни, и тем более такого, которое одновременно было бы зеленым и золотым. И все же каждому известно, что, лишь "нестрого говоря", эти строки можно считать противоречивыми. Ведь Гете утверждает не то, что во внеязыковой действительности существует определенное дерево зеленого и в то же время золотого цвета, а то, что нечто, символизируемое зеленым цветом, и

нечто, символизируемое золотым, равноценны. Именно это, а не буквальный смысл высказывания составляет "текстовое содержание") этих строк. Хотя известное противоречие здесь действительно возникает, но возникает оно между значениями на уровне обозначения (ведь grün и golden не означают одного и того же в немецком языке, они не являются синонимами), а разрешается на уровне смысла. Более того, смысл этих строк реализуется благодаря наличию противоречия на уровне отдельного языка и благодаря его одновременному преодолению. Ср приведенные Косериу строки с их тремя переводами на русский язык:

Теория, мой друг, сера везде,
А древо жизни ярко зеленеет.
А. Фет

Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет.
Н. Холодковский

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо
Б. Пастернак

Из трех переводчиков лишь А. Фет попытался раскрыть цветовую символику Гете путем дословного перевода ("теория, мой друг, сера...") Однако это решение представляется не вполне удачным. Ведь символические ассоциации серого цвета в русском языке и русской культуре совсем иные — нечто бесцветное, заурядное, неинтересное. Противопоставление серого цвета зеленому не воссоздает подразумеваемого в оригинале противопоставления нежизнеспособности расцвету, энергии Показательно и то, что ни в одном из переводов нет присущего оригиналу сочетания зеленого и золотого. При этом А. Фет и Н. Холодковский компенсируют потерю одного из этих "контекстуальных синонимов", усиливая глагол *зеленеть* (*ярко зеленеет, пышно зеленеет*).

Как же соотносится перевод с этими тремя различными видами содержания — значением, обозначением и смыслом? Перевод имеет дело исключительно с "текстовым содержанием", поскольку переводятся и могут быть переведенными только тексты. Отсюда следует, что значения в принципе непередаваемы, за исключением тех особых случаев, когда речь идет именно о значениях и когда они являются частью содержания текста. Значения как таковые относятся к структуре данного конкретного языка (Einzelssprache) и в тексте являются лишь инструментами соответствующих обозначений. С этой точки зрения интерпретировать текст — значит идентифицировать обозначения с помощью данных в соответствующем языке значений, а переводить — значит находить для уже идентифицированных обозначений исходного текста такие значения в языке перевода, которые могут выражать именно эти значения.

Согласно концептуальной схеме Косериу в число категорий содержания текста входит как обозначение, так и смысл. При этом в различных коллективах аналогичные обозначения могут выражать разный смысл. Противоречия между обозначением и смыслом разрешаются в

процессе перевода. При этом чем значительнее культурная дистанция между коллективами носителей исходного языка и языка перевода, тем чаще встречаются подобные противоречия.

Думается, что во взглядах Э. Косериу есть, несомненно, то рациональное зерно, которое позволяет использовать их для теоретического осмысления семантических аспектов перевода. Э. Косериу, безусловно, прав, отводя решающую роль в переводе "текстовому содержанию", реализации семантических категорий языка в речевых процессах.

Представляются плодотворными проводимое им принципиальное разграничение значения и смысла как категорий языка и речи (текста), указание на взаимодействие языковых и внеязыковых факторов в формировании смысла, тезис о ведущей роли смысла в переводе. Все эти положения хорошо согласуются с одним из ведущих положений данной работы — о центральной роли текста в процессе перевода.

То, что Косериу называет "обозначением", определяется как референция, отсылка к миру вещей. Непонятно, почему референциальное измерение целиком и полностью изымается из сферы языка и переносится в сферу речи (текста). Более того, приводимые в статье примеры свидетельствуют о том, что термин "обозначение" (Bezeichnung) по существу синонимичен термину "частное значение", а применительно к лексике — "лексико-семантическому варианту слова" (термин А.И. Смирницкого). На долю языка остаются в таком случае лишь общие значения языковых единиц. Последние действительно специфичны для отдельных языков. Это убедительно подтверждает пример с немецкой конструкцией "mit x" с обобщающим значением сопутствования. Однако в ряде случаев, особенно в области лексики, такое обобщающее значение вообще невыводимо. В самом деле, если, например, у англ. *car*, смысловая структура которого характеризуется гиперо-гипонимическими отношениями (*car* 'автомобиль', *car* 'вагон', *car* 'колесница'), общее значение устанавливается сравнительно легко (например, 'колесное транспортное средство'), то в других случаях это представляется невозможным (например, *stew* 'экипаж, легкая повозка', 'экипаж, команда корабля, танка').

Представляется более обоснованным вместо предлагаемой Э. Косериу трихотомии "значение — обозначение — смысл" ограничиться дихотомией "значение — смысл". При этом первое следует рассматривать как категорию языка, а второе — как категорию речи.

Необходимо еще одно уточнение. Термин "смысл" в работе Косериу приравнивается к понятию "функция текста" (Textfunktion) и иллюстрируется такими примерами, как вопрос, требование, возражение и т.п. (простейшие единицы смысла) или как содержание текста или его фрагмента. На наш взгляд, дихотомия "значение—смысл" соотносится с дихотомией "язык—речь" и распространяется на единицы любого масштаба. Таким образом, можно говорить не только о значении словоформы, конструкции и т.п., но и о их смысле. Вспомним определение Л.С. Выготского: "Значение слова есть потенция, реализующаяся в живой речи в виде смысла" [Выготский, 1956, 370].

Иными словами, между значением и смыслом нет непреодолимого барьера. Смысл — это и есть актуализированное в речи значение

языковой единицы. Именно в этом состоит широко распространенная в современном языкознании трактовка понятия "смысл". Ср., например, определение этого понятия в "Словаре лингвистических терминов": "То содержание (значение), которое слово (выражение, оборот речи и т.п.) получает в данном контексте употребления (ситуации общения)" [Ахманова, 1966, 434].

Используемое в данной работе понятие "смысл" близко тому, которое А.В. Бондарко называет "речевым смыслом" и определяет как "ту информацию, которая передается говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего. Таким образом, источниками речевого смысла являются: 1) план содержания текста и вытекающий из него смысл (смысл текста), 2) контекстуальная информация, 3) ситуативная информация, 4) энциклопедическая информация" [Бондарко, 1978, 95].

Релевантность понятия "смысл" для изучения семантических аспектов перевода достаточно убедительно аргументируется З.Д. Львовской, которая справедливо указывает на то, что "значение — категория языковая, т.е. системная, поэтому значения единиц разных языков могут не совпадать по разным параметрам (содержательные характеристики, объем и место в системе)", тогда как смысл — "категория коммуникативная, он не зависит от различий между языками и может быть выражен различными языковыми средствами в разных языках". Развивая далее эту мысль, З.Д. Львовская отмечает, что "если при одноязычном общении один и тот же смысл может быть передан с помощью предложений, имеющих различные сигнификативные значения, то при переводе подобная возможность не только возрастает, но иногда превращается в необходимость в силу как лингвистических, так и экстралингвистических причин, взаимодействующих самым тесным образом" [Львовская, 1985, 81—82].

Из сказанного следует, что языковые значения точно так же, как и соответствующие языковые формы, являются переменной величиной. Они, как отмечает Косериу, являются атрибутом данного конкретного языка (Einzelsprache). Инвариантным в идеале остается именно смысл: смысл исходного текста, вкладываемый в него исходным отправителем; смысл, извлекаемый из этого текста анализирующим его переводчиком, и, наконец, смысл вторичного текста, интерпретируемого конечным получателем. Разумеется, в реальной переводческой практике, как уже отмечалось выше, возможны отдельные смысловые потери, связанные, как правило, с прагматической установкой коммуникативного акта. Однако в данном случае мы для упрощения исходим из такой ситуации, когда прагматической установкой является передача смысла и когда прагматические фильтры не модифицируют передаваемый смысл. В тех случаях, когда мы говорим о семантической эквивалентности исходного и конечного текстов, имеется в виду не эквивалентность значений, а эквивалентность смыслов.

Именно речевой контекст и ситуация общения дают возможность нейтрализовать различия между нетождественными значениями, или,

иными словами, использовать разные значения для передачи одного и того же смысла. В качестве примера приведем англ. *murder*, входящее в одну и ту же лексико-семантическую группу (ЛСГ) с существительными *killing* и *manslaughter*. В пределах этой ЛСГ *killing* означает родовое понятие ('лишение жизни'), а *murder* и *manslaughter* — два видовых (схема 6).

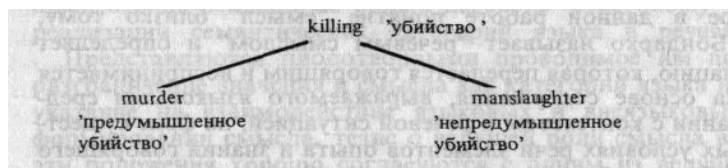

Схема 6

Killing является семантическим инвариантом всей ЛСГ. В оппозициях "*killing—murder*" и "*killing—manslaughter*" *killing* означает убийство вообще, а *murder* и *manslaughter* различаются через посредство дифференциальной семы "предумышленный": у *murder* эта сема присутствует, у *manslaughter* ее нет. Однако это не значит, что в любом контексте *murder* следует переводить как 'предумышленное убийство'. В этом порой нет необходимости, так как ситуация, находящая свое отражение в контексте высказывания, порой делает эксплицитное выражение этой семы избыточным. Рассмотрим следующий пример из "Американской трагедии" Т. Драйзера: "And you don't happen to know anything about the drowning of a girl up there that you were supposed to be with — *Roberte Alden, of Biltz, New York, I believe.*"

"Why, my God, no!" replied Clyde nervously...

"Am I supposed to have committed a murder?" he added, his voice faint — a mere whisper —

"— И вам, случайно, ничего не известно о том, как там утонула девушка, с которой вы были вместе? Если я не ошибаюсь, Роберта Олден из Билца в штате Нью-Йорк..."

— Боже мой! Конечно же нет! — испуганно ответил Клайд... — Вы что, считаете, что я совершил убийство? — добавил он слабым голосом, почти шепотом".

В приведенном отрывке (диалог Клайда с арестовавшим его помощником шерифа) контекст нейтрализует оппозицию "*killing—murder*", В данной ситуации (первая встреча Клайда с блюстителями закона, когда речь о предумышленном характере убийства Роберты еще не шла) сема "предумышленное" не находит воплощения в конкретном смысле высказывания. Именно поэтому *murder* переводится здесь как *убийство*. Было бы неестественно, если бы Клайд в ответ на вопрос о том, известно ли ему, что девушка, с которой он был на озере, утонула, ответил: "Вы что, считаете, что я совершил предумышленное убийство?" Такая реплика была бы оправданной только в том случае, если бы Клайд уже признал сам факт убийства, но отрицал лишь преступный умысел.

Однако в других случаях, когда семантическое противопоставление *killing* и *murder* находит отражение в речевом контексте, диф-

ференциация этих слов перестает быть только фактом языка, становится фактом речи и поэтому подлежит обязательной передаче при переводе: *The Pentagon lawyers are leaning over backwards to prove that the Songmy massacre was killing, not murder — Юристы Пентагона из кожи лезут вон, чтобы доказать, что массовые убийства в Сонгми носили не предумышленный, а случайный характер.* В данном примере речь идет о том, как актуализация сем в контексте высказывания влияет на его смысл и определяет пути его перевода. Данная закономерность тесно связана с соотношением понятий "значение" и "смысл". Дело в том, что набор сем, образующих то или иное значение, обычно варьируется от языка к языку. Однако это обстоятельство отнюдь не препятствует межъязыковой коммуникации, которая, как отмечалось выше, осуществляется не на уровне языковых значений, а на уровне смысла. Далеко не все семы оказываются одинаково существенными при описании той или иной конкретной ситуации. Контекст как бы "высвечивает" некоторые семы, выдвигает их на передний план, придает им первостепенную важность. Именно эти актуализованные семы формируют смысл данного высказывания.

Поиск варианта, значение которого распалось бы на те же семы, что и значение переводимого элемента высказывания, обречен на неудачу. Такая задача невыполнима, так как она равносильна попытке восстановления значений, являющихся принадлежностью системы исходного языка, в языке перевода, а языковые значения, как справедливо отмечает Э. Косериу, непередаваемы. Поэтому переводчик ставит перед собой более реальную задачу, решаемую на уровне смысла — передать в тексте именно те семы, которые существенны для точного отражения данной ситуации.

Разграничение понятий "смысл" и "значение" позволяет опровергнуть доводы неогумбольдтианцев, ведущие к отрицанию переводимости (переводятся не специфичные для конкретных языков значения, а заданные ситуацией смыслы).

Рассмотренные выше случаи проливают свет на механизм установления семантической эквивалентности и объясняют, каким образом из разноязычных единиц с не вполне идентичными языковыми значениями складывается одинаковый смысл. Напомним, что отношения эквивалентности возникают как при тождестве образующих смысл семантических компонентов (сем) (компонентная эквивалентность), так и при кореферентности наборов разных сем, создающих в своей совокупности одинаковый смысл (референциальная эквивалентность). В приведенных выше примерах было показано, как сочетания языковых единиц с несводимыми друг к другу языковыми значениями оказываются эквивалентными друг другу на компонентном подуровне, т.е. образуют одинаковые смыслы, опирающиеся на сочетание одних и тех же сем. Так в приведенном примере ("Am I supposed to have committed a murder?" — *Вы что, считаете, что я совершил убийство?*) эквивалентность высказываний обеспечивается выравниванием их смыслов благодаря нейтрализации в этом контексте семы "предумышленное", дифференцирующей рус. *убийство* и англ. *murder* в системах этих языков.

Случаи референциальной эквивалентности также получают свое объяснение в свете того факта, что в переводе семантическая эквивалентность достигается не на уровне языковых (грамматических и лексических) значений, а на уровне смыслов. Так, русская фраза из телефонного разговора *Вы не туда попали*, английская „You've got a wrong number" и немецкая "Sie haben falsch gewählt" идентичны друг другу по выражаемому ими конкретному смыслу, хотя каждая из них выражает этот смысл не только с помощью различных языковых единиц, имеющих нетождественные значения, но и с помощью разных сем, соответствующих разным признакам отражаемой в высказывании предметной ситуации. Идентичность смыслов этих фраз опирается не только на идентичность предметной ситуации, но и на совпадение коммуникативно-прагматических параметров (коммуникативной интенции и соответственно коммуникативного эффекта); именно эти фразы приняты в соответствующем языке и в соответствующей культуре для передачи данного конкретного смысла.

Сказанное выше о соотношении значения и смысла объясняет природу семантических трансформаций, о которых речь пойдет ниже. Связанные с этими трансформациями преобразования значений и сем не нарушают "семантического уравнения" именно потому, что такое уравнение строится не на тождестве языковых значений и даже не на тождестве сем, а на единстве смысла.

МОТИВЫ И ТИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА КОМПОНЕНТНОМ ПОДУРОВНЕ СЕМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Поскольку в этом и в следующем разделах речь пойдет о переводческих трансформациях, представляется уместным уточнить смысл, который вкладывается в данное понятие. Л.С. Бархударов, внесший существенный вклад в разработку типологии переводческих трансформаций (ср. предложенное им деление этих трансформаций на перестановки, замены, добавления и опущения), исходил из того, что переводческие трансформации — это те многочисленные и качественно разнообразные межязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности ("адекватности перевода") вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков [Бархударов, 1975, 190].

Термин "трансформация" используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией. Таким образом, описываемые ниже операции (переводческие трансформации) являются по существу межязыковыми операциями "перевыражения" смысла.

Как указывалось в гл. III, для компонентного подуровня характерны трансформации типа грамматических, при которых преобразуется формальная структура высказывания и остается неизменным конституирующий его смысл набор сем. Основной причиной такого рода трансформаций является неизоморфность структур исходного языка